Гусейнова О.В.
Блуждающие души

Ольга Гусейнова
«Блуждающие души»

Глава 1

Рабочий день закончился, за окнами лето и солнце — что может быть лучше?! Я подкрасила блеском губы, подмигнула своему отражению в зеркале и, подхватив сумочку, вспорхнула с рабочего места.

— Девочки, всем хороших выходных! — пожелала коллегам и устремилась на выход.

— Кому как… А кому хоть помирай: в понедельник аудиторская проверка, — услышала вслед брюзгливое ворчание нашего главного бухгалтера Валерии Степановны.

Прикрыв дверь за собой, я беззлобно усмехнулась. Как хорошо, что меня это больше не касается. С сегодняшнего дня меня перевели в отдел логистики. Там и премии, и коллектив интереснее и моложе, и вообще, изменений в жизни хочется.

Выскочив из офиса, полной грудью вдохнула, наслаждаясь зноем, летом и царящими вокруг запахами. Пусть выхлопные газы, плавящийся асфальт и духота, зато — свобода!

Ветер подхватил подол моего легкого шифонового сарафана и игриво задрал чуть ли не до подбородка. Тут же раздался восторженный свист парней, сидевших на скамейке неподалеку. Но я не смутилась и не расстроилась. Настроение слишком хорошее, да и нечего мне расстраиваться. Раз свистят, значит неплохо выгляжу и можно лишний раз порадоваться, что красивое новое белье сегодня надела: ажурное желто-белое, в тон платью.

Я задорно улыбнулась парням и процокала шпильками изящных золотистых босоножек мимо.

Моя машина в ремонте, такси вызывать неохота, и я решила ехать домой на маршрутке. Прошла к перекрестку, чтобы другую сторону дороги перейти, достала из сумочки солнцезащитные очки — уж больно яркий свет глаза слепит.

Светофор переключился на зеленый для пешеходов, и я в числе первых рванула через дорогу. И сразу же обратила внимание на с ревом подъехавший к перекрестку мотоцикл. Потрясающий красный «кавасаки»! Такого красивого я еще ни разу не видела. Словно он из будущего к нам нечаянно заехал. Гладкие футуристические линии, два огромных колеса с красными дисками внутри, черная плавная линия сиденья. А сверху восседала девушка: стройная, гибкая, с длинными ногами, затянутыми в тонкую кожу бордовых брюк. Тело красиво облегает короткая курточка; на голове красный шлем с черным забралом-визором. Эффектно!

Я даже замедлилась, не в силах оторвать взгляда от красного тандема — девушка и мотоцикл. Кажется, всю жизнь мечтала купить похожего двухколесного монстра, а тут такой шикарный экземпляр. Жаль, зарабатываю я ровно столько, чтобы содержать единственное транспортное средство, на второе денег уже не хватит. Да и хранить его негде.

Неожиданно девушка резко вскинула руку и закричала именно мне, но уже в следующую секунду послышался скрежет металла и грохот. Я развернулась и увидела, как троллейбус врезался в столб с огромным рекламным баннером. И эта бетонная махина неотвратимо и странно, словно в замедленной съемке, падала на меня. Народ с «зебры» бросился врассыпную, я тоже. Да только не судьба. Шпилька от крутого разворота застряла в трещине размягченного жарой асфальта. Я судорожно дергала ногой, пытаясь вырваться из плена, и в ужасе смотрела, как на меня падает баннер.

Удар, грохот, боль… Перед тем как померк белый свет, солнце на мгновение осветило

красный «кавасаки» и девушку, бегущую ко мне, сдирая яркий шлем и встряхивая длинными черными волосами.

Оригинально! Кто-то перед смертью свою прожитую жизнь видит, а я — девушку и сияющий мотоцикл.

Глава 2

— Марго, я не вижу ничего особенного. Все в абсолютном порядке, ты же только недавно свою девочку из салона взяла.

— Миш, я не знаю, что случилось. Я и так сегодня на нервах вся, а тут еще это…

— И что случилось такого, что железную леди напугало?

— Не язви!

— Прости, Рит, что там случилось-то?

— Да… я к подруге ехала, выехала на перекресток, тормознула… а там троллейбус в столб рекламный врезался. За рулем стажер был, его жигуль подрезал, парень резко руль вывернул — и в столб.

— И что? Тебе троллейбус жалко? Или столб?

— Придурок! Мне девушку жалко, которая в тот момент дорогу переходила. Ее этим столбом раздавило буквально. Она на шпильках была и застряла, видимо… Я пыталась предупредить… Все разбежались, а она не успела. Это было так ужасно — видеть, как падает та махина, а она словно муха в паутине бьется…

— Прости, Маргош… может это судьба?

— Ну да, судьба, что ж еще?

— Я понимаю, жутко, но ты-то чего так убиваешься? Как в гонках жизнью рисковать, так не страшно, а тут… Как будто ты ни разу аварию не видела. Или погибшая твоя знакомая?

— Нет, не знакомая. Не знаю даже. Просто среди той толпы, что переходила улицу, она выделялась сильно. Вся такая ярко-желтая, летящая, солнечная… Девушка бы выжила, если бы на меня не засмотрелась. А я теперь чувствую себя виноватой.

— Брось, Марго. Ты еще себя обвини… Судьба такая, хоть что делай, а не убежишь.

— Я понимаю, но от этого сейчас не легче. Когда баннер подняли, там сплошная кровь… И ее желтое платье больше кусочек солнца не напоминало. Я, наверное, никогда больше на желтое спокойно смотреть не смогу. Перед глазами эта несчастная девушка изломанной куклой лежать будет.

— Рит, аварии каждую секунду случаются. Так что? Ты теперь всех погибших представлять будешь? Если хочешь, помяни ее до свинячьего состояния и оставь в прошлом.

— Я не пью, Мих, ты же прекрасно знаешь. Я с тобой делюсь, а ты…

— Ладно, считай — у меня пластырем рот заклеен. Ну а что с «кавасаки»?

— Не знаю! Когда все разобрались… с ней. ГИБДД там, скорая, свидетельские показания сняли с меня и еще человек с десяток опросили… я попыталась Васю завести, а она ни в какую. Глухо как в танке. В общем, вызвала эвакуатор и к тебе…

Сознание возвращалось медленно, вместе со странными ощущениями. Я слышала разговор женщины и мужчины и при этом ощущала, как меня кто-то касается. Наконец, зрение прояснилось, и к моему полному потрясению, я уставилась на макушку парня в синей спецовке. В этот момент он, наклонившись, приподнял большое черное колесо с красным диском и… начал крепить его ко мне.

От последовавшего шока, все внутри меня взорвалось эмоциями и криком от страха. Да

только он странно прозвучал: мощным рыком мотора, а из моих распахнутых глаз вырвался ослепительный свет, отчего мужчина дернулся в сторону, выругался и зажмурился, выронив из рук колесо. Мощный широкий круг, выписывая восьмерку, покружился на полу с глухим звуком и замер.

А я в этот момент нечаянно заметила отражение себя на блестящем полированном боку соседней машины. Там отражались девушка, что была на перекрестке, мужчина и красный мотоцикл. Тот самый… А вот я сама там не отражалась. Но ведь вот она я, и рука черноволосой девушки, которую, как я поняла из услышанного разговора, зовут Марго, лежит у меня на спине. Стоп, а почему в отражении ее рука лежит на изгибе черного сиденья «кавасаки»?

Душа в панике рванулась из стороны в сторону, но вырваться из плена металла была не в силах.

«Нет, нет, этого не может быть…» — мысленно закричала я.

А внутри меня от переполнявших эмоций ревел двигатель. То глухо, то рвано, с перебоями. Так, как мое сердце билось бы в критичный момент.

— Что это с ним? — хрипло выдохнул мастер Миша.

— Это ты у меня спрашиваешь? — нервно хохотнула Марго. — Кто из нас спец? Ты или я?

— Надо ключ из зажигания вытащить и разобрать движок и…

Угроза окатила ледяной волной страха и отвращения. Не хочу, чтобы меня касались, тем более, разбирали. И так по ощущениям, словно часть моей ноги на полу валяется. Отдельно от меня! Жутко!

Невероятным усилием воли я заставила себя успокоиться и тут же услышала ровный, умиротворяющий звук двигателя. Миша с Марго переглянулись и пожали плечами, без слов понимая — что-то странное творится с Кавасаки. Мастер флегматично прокомментировал:

— Эти уроды бензин, видать, ослиной мочой разбавляют. Или еще какой дрянью. Вот и взбрыкнула твоя Вася.

Марго с сомнением пожала плечами, принимая такое предположение за более вероятное.

Спокойно позволила Мише прикрутить ко мне МОЕ колесо, затем покорно перенесла новую порцию проверок: визуальный осмотр, диагностику электроники. Он заглянул мне в каждую дырку и щель, и от этого я ощущала себя мерзко, грязно, жутко, но терпела молча. Вот мучение, никогда не забуду этого момента!

Марго ушла в административный закуток. Я видела через окно, что она расплатилась и, улыбаясь, о чем-то поговорила с мужчиной. Затем забрала со стула свой шлем, махнула рукой и вышла из комнаты.

Через минуту она села мне на спину и неожиданно погладила между лопаток… наверное, хотя может это бензобак в нынешнем моем состоянии, шепнула: «Ну ты, Вася, напугала меня!»

У меня чуть снова перебой в двигателе не случился. Если бы она только знала, в каком я замешательстве… Да еще Васей стала, хоть и женского пола! Меня Лена зовут… звали… похоже, в другой жизни.

Затем странная апатия накатила, смирение. Хотелось разрыдаться, но нечем. Я доверилась ее рукам. Меня медленно выкатили из бокса, внутри заурчал движок, и мы резво стартанули с площадки автомастерской.

Я обожаю ветер, скорость за необыкновенное чувство свободы. Вот и сейчас мы буквально летели по дорожному полотну. Я ощутила, как Марго прижимается всем телом ко мне, ее теплые, почти горячие, руки и ее живое тепло неожиданно согрело меня изнутри. А ветром сдуло все печали, страх и боль утраты, такой нелепой смерти. В те минуты мне казалось, что мотоциклистке бешеная скорость — почти полет — тоже необходимы, чтобы забыть мою смерть. А я… я просто отрешилась от всего, дико боялась задуматься обо всем случившемся. Поэтому от души наслаждалась ветром, видом заходящего солнца, которое словно олицетворяло закат моей прежней жизни, и горячим асфальтом, как будто съедаемым моим передним колесом.

Через полчаса в пути, подаривших мне столько новых впечатлений, мы заехали в подземный гараж элитной высотки с охраной на въезде. Пара витков — и наконец, мое, по-видимому, теперь постоянное пристанище. Или временное? Ведь неизвестно, сколько я буду в собственности этой хозяйки. Марго, заглушив двигатель, еще минуту посидела на мне, сняв шлем и тяжело вздыхая. Не так-то легко забыть чужую смерть, свидетелем которой стал. Она дрожала и пару раз потерла лицо ладонями. Для меня же ее эмоции ощущались, словно она родная, близкая. Я видела ее в «той» жизни, и сейчас она со мной, и даже имя дала новое и разговаривает как с живой. Хоть какой-то ориентир в новом для меня образе жизни.

Погладив мой полированный красный металлический бок, девушка слезла и, повесив шлем на ручку, пошла к лифту. Мне хотелось заорать, чтобы она не уходила, не бросала меня наедине с горем и непониманием среди холодных неживых машин. Но из меня не вырвалось ни единого звука, я билась внутри металла в истерике, не в силах вырваться наружу. Но двери лифта неумолимо закрылись, скрывая девушку, и подземный гараж накрыла гулкая тяжелая тишина.

На смену всплеску эмоций снова пришла апатия. Не хотелось жить, трепыхаться в этой агонии. Лучше просто закрыть глаза и умереть. Жуть, но в тот момент я мечтала умереть и думала о смерти как избавлении. Я так и сделала — закрыла глаза и забылась сном. Иногда из тревожной дремы меня вырывали чьи-то шаги, голоса или проезжающие мимо машины с людьми, которые спешили домой. Возле меня припарковали машину — бездушную холодную тачку — отчего я невольно передернулась в своей металлической ловушке. А потом снова наступала тишина, которая пугала и заставляла острее ощущать одиночество и пустоту вокруг себя. Словно я в вакууме, а весь мир за стеной.

***

Утром меня разбудили люди, мужчины и женщины, которые заводили свои машины и уезжали. А я с нетерпением ждала Марго. Теперь она — мой маяк в этой жизни. Когда двери лифта в очередной раз открылись, и я увидела ее в кожаных брюках и облегающей куртке, сегодня черного цвета, расплакалась бы от облегчения, если была бы способна. Это точно! Девушка шла с солидным мужчиной под руку. Неожиданно подъехавший черный мерседес заслонил пару от меня. Но я их слышала.

— Ты сейчас куда?

— В универ, пап. Мне надо долг сдать – зачет один, и останется только практику отработать.

— Ритусь, не гоняй шибко! Мама и так меня загнобила уже, что я разрешил тебе этого монстра купить.

— Пап, моя малышка — девочка, и ее зовут Вася. Не переживай, я соблюдаю правила движения и твои тоже.

— Смотри мне…

Я услышала громкий «чмок», потом Маргошин ответ отцу:

— Папуль, я люблю тебя. Удачного рабочего дня!

— Хитрюшка ты, доча.

Дверь хлопнула, и мерседес плавно тронулся с места. Я увидела Марго, идущую легким упругим шагом ко мне. Когда женские ладошки легли на руль, я снова ощутила их тепло, точнее, тепло ее души. И вновь почувствовала себя почти живой, успокоилась чуточку. Утренний свет проникал в бетонное подземелье, и невероятно захотелось жить. Еще меня все сильнее мучили вопросы: за что меня сюда-то, за какие грехи? Разве такое возможно? И главное – как долго будет продолжаться?

Глава 3

Осень вступала в свои права, желтые листья шуршали под моими колесами, а мокрый от недавнего дождя асфальт чуть холодил шины. За три прошедших месяца я свыклась со своим новым положением. Привыкла к Марго и ее «общению» со мной. Кто бы слышал, что эта красивая состоятельная девушка рассказывает своему мотоциклу! Жалуется на педагогов, на строгость родителей, на глупость друзей или просто окружающих. Глухо матерится в шлем во время поездок. За эти недели я узнала про нее почти все и теперь фактически жила ее жизнью.

Маргоша любит гонки, и мы раз в неделю участвовали в них на дороге к заброшенному заводу. В эти дни я ощущала себя гонщиком Спиди, прожженным брокером, болельщиком, делающим ставки, и представителем мафиозного клана. Весело!

Каждый раз к назначенному месту слетались участники гонок и болельщики, делали ставки, орали как оглашенные, пили и играли, по сути, в людей, которые мало ценят жизнь, только драйв и адреналин. Если бы они хоть на минуту поменялись со мной местами, уверена, их бы здесь не было. Да и жизнь бы они оценили по гораздо более высокой ставке.

Но я теперь красный «кавасаки» — невольная участница гонок на мотоциклах.

Старт! Рев мотора — и мы с Марго срываемся с места в погоне за победой. Я доверяю подруге, которая твердо держит руль и, прижавшись ко мне всем телом, жмет на газ до упора. Наши сердца бьются в унисон от прилива эмоций, а мимо мелькают другие машины. Я привыкла к тому, что такая как я — одна. Живая! Остальные — пустые. Бездушные.

Мы пришли вторыми, сегодня оплошали и чуть не вылетели с трассы. Пришлось мне вмешаться и, не слушаясь рук водителя, самой выходить из заноса, отдавшись инстинктам, ощущая дорогу резиной колес. И так уже в который раз. Мне страшно за подругу, ведь не будь я «живой», она уже с десяток раз могла бы попасть в жуткую аварию.

А еще, за три месяца я смогла научиться управлять своим «телом». Могла двигаться с места или повернуть колесо, даже если ключа зажигания во мне не было. Я эволюционировала. И еженощные тренировки по синхронизации работы «софта» и «железа» помогали не сходить с ума в бетонном мешке подземного гаража.

Знакомые лица и голоса друзей Марго, их разговоры, пиво и смех… Сходка тресейров закончилась, и можно ехать домой. Но тут раздался звонок ее мобильного.

—Да!

…

— Привет, Маш! Нет, не хочу.

…

— Устала я, после гонки. И переодеваться не охота.

…

— Может лучше в другой раз я…

…

— Ты уверена? А откуда информация?

…

— Просто странно. Глеб в этот клуб не ходит, вроде. Там только молодняк. Так с чего бы сегодня собрался?

…

— Ааа, ну тогда ясно. Мальчишник, конечно, святое…

...

— Я не ерничаю, Маш. Это неуемный восторг…

…

— Я не обольщаюсь, Маш. Поверь! И не льсти мне. Он не замечал меня раньше, так с чего бы сейчас заметил?

…

— Недавно расстался? Хмм, а ведь дело к свадьбе шло.

…

— Да ты что-о? Изменила? Глебу? Ну и дура!

…

— Да я бы никогда! И хорош болтать. Я буду через час.

…

— Нет, я на Васе приеду. Не хочу от такси и всяких придурков зависеть.

…

— Ладно, до встречи!

Марго убрала телефон в карман, и задумавшись, тронулась от обочины, возле которой притормозила для разговора.

Уже через полчаса мы были возле дома, а еще через пятнадцать минут Марго, благоухая парфюмом, в сапогах на шпильках и как обычно одетая в кожу, рванула к клубу.

Мы припарковались почти у самого входа в ночной клуб «Вавилон» в паре метров от троих парней лет двадцати пяти. Молодых, явно небедных пижонов. Спиной к нам стоял высокий мощный блондин.

Мне показалось, именно при виде него, Маргоша затаила дыхание и сидела не двигаясь с места. Двери клуба открылись, и навстречу нам с демонстративным визгом радости понеслась одногруппница и подруга Марго — Маша. Парни на нее даже бровью не повели, что-то горячо обсуждая между собой, хотя девушка вполне симпатичная.

Я ощутила, как отяжелело тело Марго, она словно испытала разочарование, грусть и размазалась по сиденью. Никогда ее такой смиренной не видела и не чувствовала. Видимо, действительно любит и безответно страдает.

Машка, обняв подругу, шепнула:

— Твой блондинчик стоит с такой постной рожей… Явно не в восторге, что его сюда притащили. Он же у тебя деловой, а его в это гнездо разврата и сибаритства притащили.

— Он не мой, — устало ответила Марго, снимая шлем и вешая на руль. Встряхнула длинными черными волосами, расстегнула курточку до груди, вздохнула, по мне так слишком грустно, и предложила. — Пойдем?

Девушки неторопливо направились к двери, а я решилась помочь нечаянной подруге.

Где наша не пропадала?!

Чуть отклонилась от удерживающей подставки и покатилась в сторону парней, целя прямо в предмет сердечной боли Маргоши. Задавить — не задавила, но чуть не уронила. Зато началась суматоха!

Влюбленная кинулась спасать возлюбленного от меня, и заодно проверять, не поцарапала ли я корпус. И ее, естественно, заметили и оценили. Особенно затянутую в кожу упругую аппетитную попку. Меня вернули на место, а в клуб девушки прошли в сопровождении парней. И Марго буквально сияла от счастья.

Уже глубокой ночью Марго решила вернуться домой. Я-то знала, что родаки ее крепко контролируют. К моей радости, девушку провожал этот Глеб.

Перекинув ногу, она села, потянулась за шлемом. Но парень не дал ей этого сделать. Удерживая за подбородок, впился поцелуем в губы. И длился он неприлично долго, я даже смутилась, если бы могла — покраснела дополнительно. А то ощущение, что в тройничке поучаствовала.

— Завтра встретимся? — хрипло спросил он, оторвавшись от нее.

— Хорошо, — шепнула Марго.

Я ощутила, как девушка всем телом потянулась к мужчине, и он ее порыв отметил тоже. Тихо, довольно усмехнулся, мимолетно коснулся еще раз ее губ, а потом почти приказал:

— Завтра у боулинга «Олимп». В семь!

Отвернувшись, он решительно пошел обратно, но его остановила Марго, просительно, почти умоляюще, крикнув:

— Глеб! Я не играю в игры в отношениях. Поэтому, если ты от нечего делать…

Он остановился на мгновение, в три четверти повернулся и, окинув серьезным взглядом мою подругу, ответил:

— Я понял! Если возможно, не опаздывай завтра. Не люблю ждать!

От Марго в этот момент такая горячая волна счастья разошлась, что факел зажечь можно было бы. Глеб вновь усмехнулся, уже мягко, наверное, все отразилось у нее на лице, и ушел.

Мы отъехали немного, а потом на пустой дороге Марго заорала, выплескивая восторг, триумф и счастье. А мне та-ак хорошо стало от сопричастности к ее счастью… Этой ночью я впервые спала спокойно.

Глава 4

До семи вечера Марго дотянула с трудом. Причем в прямом и переносном смысле. В шесть она уже вприпрыжку выбежала из лифта нашего гаража и, суетливо поправляя коричневые замшевые леггинсы да выглядывающую из-под бежевой кожаной курточки белую тунику, направилась ко мне. Влюбленная девушка то шла, то срывалась на бег. Сразу видно, что она волнуется перед самой важной для нее встречей.

Усевшись на меня, свои шикарные блестящие, до синевы черные волосы она спрятала под шлем. Положила руки на руль и замерла, словно решаясь на что-то. А мне даже смешно стало. У меня такого никогда не было, чтобы до такой степени крышу от мужчины сносило. Чтобы сидеть на мотоцикле в гараже и дрожать от предвкушения всем телом. Жуть!

Мы тронулись с места и с ревом вылетели из гаража. Волнение сказывалось: Марго даже не посмотрела по сторонам, не притормозила. Она не заметила несущегося на нас грузовика, а я — да. За доли секунды поняла, что нам обеим конец, потому что Марго просто не успеет среагировать. Взяв управление на себя, вопреки ее воле, я ускорилась, накренилась

в сторону, буквально огибая кабину грузовика, чувствуя жар его движка, из последних сил цепляясь шинами за асфальт. Нам бы только успеть, только успеть.... Встречка — и визг тормозов других машин, а я, молилась богу, чтобы подруга удержалась, когда я совершила невероятное — буквально залетела на капот встречной машины, спасая девушку, вцепившуюся в меня, от неминуемой смерти в результате лобового столкновения.

Перекатившись через седан под потрясенным ошалелым взглядом его водителя, провожающего нас взглядом, мы спрыгнули, с другой стороны. А дальше все словно замерло. Машины останавливались, водители выходили и спешили к нам, повезло, что и мимо проезжавшая патрульная машина ГИБДД вильнула к нам. А Марго сидела, вцепившись в руль, и тяжело дышала.

«Да, девуля, ты виновата в ДТП», — мысленно ругалась я на невнимательную Маргошу.

Час ушел на разбирательства, и чудо, что никто не пострадал. Даже седан, по которому мы проехались. Молодой мужчина, управлявший им, неожиданно даже восхитился Маргошей за мастерское вождение. А она в этот момент бросила на меня странный, немного испуганный взгляд. Ее большие голубые глаза напоминали блюдца от испытываемых эмоций. Ну да, переживать есть от чего.

Гибэдэдэшники нас отпустили, выдав кучу наставлений о правильном отношении к жизни и соблюдении правил дорожного движения. Все как положено — не придерешься. А Марго никак не решалась вновь на меня сесть. Наконец села, рвано выдохнула и шепнула:

— Спасибо! То ли тебе ли, Вася, то ли тебе, ангел хранитель — не знаю. Но спасибо вам огромное за то что жизнь мне спасли!

Внутри потеплело от ее искренней признательности. Пусть на минуту, но она поверила, что я живая, разделила со мной это знание. Движок заурчал, и мы поехали уже спокойно, но я чувствовала, что Марго напугана. Хотя с каждым километром ее ладони твердели на руле, постепенно приобретали уверенность, а страх из души выдувался встречным прохладным ветром.

Мы подъехали к «Олимпу» — большому развлекательному центру. На парковке возле входа Марго притормозила, затем, увидев Глеба, прислонившегося к капоту огромного черного «бентли», направила меня к нему. Чем ближе мы подъезжали, тем с большим интересом я рассматривала мужчину и его автомобиль. Они чем-то неуловимо похожи: серьезные, бескомпромиссные, мощные. Только на фоне золотоволосого Глеба «бентли» смотрелся еще более монстроподобным.

Глеб, сложив руки на груди и скрестив ноги, опираясь на капот, неприветливо смотрел на Марго. Еще бы, мы опоздали на полчаса, но он все-таки дождался. Припарковав меня параллельно автомобилю, девушка молча слезла, подошла к мужчине и прижалась всем телом. Затем, приподняв лицо, поцеловала его в гладко выбритый подбородок. И только дождавшись, пока он обнимет ее и немного расслабится, вытащила из-за пазухи протокол, который составили полицейские.

Прочитав, Глеб замер на мгновение, с силой прижал Марго к себе, а потом почти наорал на нее за невнимательность, взбалмошность и глупость. Впрочем, довольно быстро замолчал, заметив на лице отчитываемой им девушки счастливую глуповатую улыбку. Еще бы, мужчина заметно волновался, а это означало лишь одно: Марго зацепила мужика и равнодушным не оставила.

— Дурочка! — выдохнул он с нежностью, покачав головой. — Ну что? Ты сегодня играть-то способна?

Марго пожала плечами, но увидев как любимый нахмурился, видимо думая, чем исправить вечер, согласно закивала как болванчик. Глеб усмехнулся, достал из кармана брелок и закрыл машину. Затем, неожиданно подхватив Ритку на руки, смеясь, понес в развлекательный центр.

А я, оставшись снова одна на парковке, наконец, смогла обратить внимание на «бентли», рядом с которым меня оставили. Краси-и-ивый…

Неожиданно внутри него что-то шевельнулось… далекое, разочарованно-уставшее, при этом странно жесткое, страдающее от одиночества, с явной безуминкой и… живое!

Я даже не знаю, каким образом все это поняла, но стоящий рядом огромный полуспортивный «бентли» не менее живой, чем я. Только душа в нем принадлежит мужчине. Уж больно эманации властные, уверенность в себе зашкаливает, а был бы у него тестостерон, то меня бы в точно в нем утопил.

А был бы у меня рот, я раскрыла бы его от потрясения. Неужели я такая не одна?

«Мужик» стоял, настороженно прислушиваясь ко мне, а я не смогла сдержать отчаянной радости, ликования и восторга. Исходящая от него внутренняя душевная сила смутила сильно.

Вокруг никого нет и нам нет смысла прятать свои умения. Бентли чуть повернул переднее колесо, словно предлагая скрепить знакомство рукопожатием. Это еще больше меня смутило, уж больно сильное впечатление оказала на меня эта конкретная душа. И все же я подкатилась на шаг ближе и вывернула колесо, касаясь чужой резины. Ощущение, что нас током прошило. У обоих взревели движки, и мы судорожно их выключили. А потом, не сговариваясь, уже не в силах противостоять своим желаниям, снова коснулись колесами.

Живые!

Потрясающее, никогда не испытываемое прежде ощущение единения накрыло с головой, когда мы душами коснулись друг друга. Здесь не нужно слов, ты просто чувствуешь все. Теперь он знал меня как себя, а я его, такого же попаданца как и сама. Уже второй год томившегося в одиночестве бывшего бизнесмена, криминального авторитета со своим кодексом чести. Да, он убивал, защищая свое, а потом убили его. Подорвали его хаммер, когда рядом проезжал этот «бентли». И теперь мы оба заключенные: я в мотоцикле, а он в автомобиле. Но я же никогда никого не убивала и зла никому не желала, и не совершала, и все равно здесь.

В той жизни его звали Егором.

Узнав друг друга так, как никогда бы в жизни не смогли, будь мы не просто душами, а людьми, стояли рядом и наслаждались тем, что не одиноки. Я смутилась, когда задумавшись, не сразу ощутила колесо Егора, которое словно терлось о мое. Маленькая неожиданная ласка оказалось столь приятной, что я боялась пошевелиться и прервать ее.

Егор считал мои чувства, в ответ от него пришло мужское удовлетворение и… странное собственническое чувство. Старые привычки неискоренимы; и его снисходительное превосходство взбесило. Я резко вывернула руль и хотела чуть отодвинуться. В этот момент Егор врубил свои фары на полную. Раздался приглушенный пьяный мат. И я увидела, что от меня в сторону шарахнулся бомж с металлической тележкой. Яркий свет ослепил и испугал бомжа, заставив свернуть, избавив меня от столкновения с тележкой и возможных повреждений. А ведь поглощенная новыми впечатлениями и эмоциями, я даже не увидела приближающуюся опасность. Второй раз за день провидение спасает меня. Хотя в этом случае провидением поработал Егор. Выходит, вне зависимости от ситуации он старается

все вокруг себя контролировать.

Я благодарно прижала свое колесо к его, осторожно ткнулась бампером, все теснее придвигаясь к длинному черному, блестевшему в сумерках, боку «бентли».

Егор успокоился. Он явно разволновался из-за этого незначительного случая с бомжом. За меня переживал? Ох! А ведь это та-ак приятно — чувствовать чью-то заботу о себе. Знать, что тебя оберегают. И даже за царапину на полированном красном корпусе готовы порвать любого. Вон какое раздражение и глухую ярость вызвал пьяный маргинал у Егора.

Теперь я усмехнулась и тут же получила шутливый «пинок» колесом от Егора. Пока мы ждали наших хозяев, перекидывались эмоциями, касались друг друга, все время стараясь лишний раз удостовериться, что все происходящее с нами, — это на самом деле, и мы не одиноки теперь. Думать о том, что будет дальше, лично мне было страшно, а вот от Егора исходила твердая уверенность в чем-то, на грани безумия. Он не позволит чему-то, что нарушит его планы, случиться.

Мой страх обволокла уверенность Егора, заглушила и тщательно затоптала, чтобы я не нервничала. Я с каждой минутой, проведенной с ним, чувствовала, как оживает душа Егора, наполняется былой силой, несгибаемой волей.

Наше нечаянное свидание окончилось: вышли Глеб об руку с Марго. Остановившись возле капота «бентли», они горячо целовались, от чего я смутилась и затрепетала одновременно. Хотелось вот так же прижаться к Егору всем телом, как Ритка к Глебу и, вцепившись в воротник на куртке любимого, целоваться на холодном ветру. Мне кажется, я даже ощутила холодный ветер на лице и обжигающий поцелуй. Это привело в чувство.

Егор за два года в этой ловушке, скорее всего, научился большему, чем я. Ведь это он помог прочувствовать былое. Вспомнить, как чувствовать кожей. Невероятное удовольствие!

Покидала я Егора с неохотой, со страхом, что не увидимся больше.

Глава 5

Марго с Глебом теперь виделись каждый день, и скоро ночевать меня оставили в теплом внушительном гараже его дома. Рядом с Егором. Это был рай на земле. Оказывается, не имея возможности физически насладиться близостью, ею можно упиваться на духовном уровне. Две наши души буквально сливались в единое целое, делясь чувствами и эмоциями, показывая картинки из прошлого.

Мою эйфорию усиливали чувства Маргариты, которая все время витала в облаках от любви к Глебу. У нее вошло в привычку рассказывать, как они провели вечер, что делали и о чем говорили. Она боялась делиться своим счастьем с подругами. Боялась, что сглазят из зависти, что захотят себе такого же и заберут, раздавят ее счастье.

Марго любила Глеба давно и слишком сильно, а он… Властный, сильный собственник, желающий владеть ею единолично, но слава богу, не равнодушный. Я чувствовала, что он ее тоже любит и чем дальше, тем сильнее. А еще ревнивый до одури. Маргоша не видела, как ее Глебушка смотрит на возможных конкурентов. Как тщательно расправляется с потенциальными соперниками и готов прибить любого просто за брошенный взгляд на свою Марго. Из такой пары рождается либо самая крепкая дружная семья, либо — боль, ненависть, в лучшем случае — расставание, а в худшем…

Но я верила в Марго.

***

Мы неслись по ночному городу: я и «бентли». Марго решила поиграться с Глебом, наказать за самодурство и ревность. Черный асфальт блестел в свете ночных фонарей.

Машин на дороге еще достаточно, но Марго неслась, словно она одна. Гордая, влюбленная, вспыльчивая дурочка! Совсем как я! Как же жизнь-то распорядилась, что похожие души соединили. Пускай на время, но все же. Может именно наша схожесть с Марго помогла мне не сойти с ума в первые дни, принять новую жизнь, разделить ее с этой красивой доброй девушкой.

Я знаю, что гонки по городу до добра не доводят, но соревноваться с Егором неожиданно понравилось и мне. Мы с Маргошей словно с цепи сорвались, на несколько мгновений вырвавшись из-под плотной давящей опеки наших мужчин.

А потом визг тормозов — и мы с Марго одновременно, судя по тому как окаменело ее тело, увидели «газель», которая завалилась, не справившись с управлением на мокрой дороге, и скользила к нам, скрежеща бортом по асфальту. Мимо нас мелькнула тень «бентли» — это Егор, обогнав нас в немыслимом рывке, загородил от надвигающейся опасности. Мы с Марго синхронно «легли» в резкий поворот, гася скорость и пытаясь увернуться, но все равно нас юзом вынесло к столкнувшимся «газели» и «бентли». С нашей стороны все выглядело нормально, но что там с другой — неизвестно. Марго сорвалась с места и кинулась к водительской двери, где Глеб, уронив голову на руль, сидел не шелохнувшись.

А я рванулась душой к Егору, мысленно крича от страха и паники за него.

— Все хорошо, любимая! Все обошлось! — глухо шептал Глеб, а душа Егора вторила его словам уже для меня.

Марго плакала, повиснув на шее своего героя, а я металась внутри своей клетки, не в силах дотянуться до Егора. Еще несколько минут ушло на разбирательство Глеба с водителем «газели», заодно выяснили, что с ним случилось. А Марго решила убрать меня с пути проезжающих мимо машин. Подкатила к «бентли» и поставила «лицом к лицу». Теперь я смогла оценить все повреждения Егора: небольшую вмятину на бампере и стертый до металла ранее блестевший полированный бок. Мне плохо стало. Глеб так ездить не будет. Непременно отправит машину на ремонт. Значит, несколько дней мы с Егором не увидимся. Все внутри у меня заныло от предстоящей разлуки.

Мы стояли лоб в лоб, уткнувшись друг в друга. «Перетекли» душами к месту соединения и грелись в тепле друг друга. И снова безуминка проскользнула в его чувствах ко мне, охватывая целиком, словно накрывая собой, растворяя в нем. Если б не любила, захлебнулась бы в потоке его чувств и эмоций ко мне. Собственник! Защитник! Любимый! Ведь я уже «прочла» в его душе, что это он сделал все, чтобы предотвратить аварию, не допустить, чтобы я пострадала. Глеб с «пустой» машиной такого бы не смог.

И снова расставание и тоска, выматывающая душу. Нет, Глеб с Маргошей виделись, а вот я словно снова заледенела. Забившись в уголок «кавасаки», ждала Егора!

***

— Васька-а, мы едем в горы! Глебушка хочет показать красивый пейзажик. Пикник хочет устроить на лоне природы. — весело поделилась Маргоша, усаживаясь на меня.

А мне было все равно куда ехать; я медленно умирала от тоски. Мы привычно выехали из гаража и рванули по проспекту на выезд из города. У подножия серпантина я увидела ИХ. Егора и Глеба! У меня на нервной почве, от неожиданности, перебой случился с двигателем. Притормозив рядом с мужчинами, Марго поделилась впечатлениями с Глебом:

— Вы показались, и у Васьки чуть движок от счастья не заглох. Похоже, она тебя тоже любит.

— Как и ты? — вкрадчиво спросил Глеб.

Он наклонился и поцеловал девушку в губы. А Марго тихо выдохнула:

— Ты же знаешь, что я сильнее… всех тебя люблю!

А я мысленно материлась. Пока эти двое целуются почти на мне, я не могу приблизиться к Егору. А у меня колеса зачесались от желания коснуться его. Со стороны «бентли» донеслось мужское довольство… и радость.

Дотронуться друг друга нам не дали. Глеб сел в машину и приказал Марго следовать за ним осторожно, не гнать, иначе обещал отшлепать ее. Хотя мне показалось, что Рита не прочь «отшлепаться».

На одном из витков горного серпантина Глеб свернул на огромную каменную площадку, и мы тоже. Гравий и песок зашуршали под колесами. Обогнули часть выступающей скалы, и перед нами открылся вид на деревянные столик, врытый в грунт и две лавочки, а потом… бескрайнее синее небо с белыми облаками и обрыв в ущелье. Снизу доносился далекий шум реки. От вида перехватывало бы дыхание… если бы оно у меня было. А так просто душа запела от увиденной красоты.

Нас с Егором припарковали рядышком, Глеб достал корзинку и начал накрывать столик. Еда в пластиковых контейнерах, приборы, и… детское шампанское с фужерами из чешского хрусталя.

Парочка ела, смеялась, а мы наслаждались друг другом. Почему-то именно сейчас я поняла, насколько призрачно и недолговечно наше счастье. Но думать об этом, когда рядом Егор не хотелось. Нестерпимо больно становились и страшно. И любимый это почувствовал, тут же обволакивая уверенностью, любовью, обещанием неосуществимого. Он придумает как быть… Безумный!

Глеб и Марго начали собираться, сложили в пакет мусор, остатки еды, а потом он решил сам застегнуть на девушке куртку. Рита уже хотела сесть на меня, но он ее остановил и поцеловал. Слишком напористо и властно чтобы после остановиться лишь на поцелуе. Марго ягодицами все сильнее упиралась в меня, грозя завалить на бок. Руки Глеба зашарили по поясу ее брюк, расстегивая, пытаясь стянуть. Подруга помогала своему мужчине, она тоже стремилась к слиянию. А я опешила от смущения. Это они тут при мне… этим займутся? На мне? Я тут что, третий не лишний, третий запасной?

Брюки Марго поползли вниз, и в этот момент движок Егора взревел на полную. Мой мужчина явно не собирался позволить другу и хозяину устроить интимное представление для меня, да еще и с моим непосредственным участием.

— Странно… — удивленно прохрипел распалившийся и пытающийся успокоиться Глеб. — Самостоятельный какой…

— Ты еще всех фортелей моей Васьки не знаешь! — немного задыхаясь, выдохнула Марго. — Мне иногда кажется, что она живая.

Глеб усмехнулся снисходительно, с большой долей нежности.

— Если мы не можем чего-то потрогать или увидеть, это не значит, что этого не существует! — наставительно, с похожей улыбкой произнесла Марго, уловив на лице любимого эти эмоции.

— Все может быть… — согласился Глеб.

Он помог привести себя в порядок Марго, застегнул а ней куртку и поправил вязанную шапку. Чмокнул в губы и, вздохнув, с неохотой направился к водительской двери «бентли».

А я? А я чуть не плакала от расставания с Егором.

Глава 6

Заморозки начались. Пока еще легкие, но скоро Марго пересядет в машину, и что тогда станет со мной? С нами: Егором и мной? Ночные сумерки уходили неохотно. Я поеживалась не от холода снаружи, а от одиночества. Мы с Марго гостили у ее друзей на даче. Народу на гулянку с ночевкой собралось много, только Глеб в последний момент не смог поехать с Марго. Поэтому я стояла на свежем воздухе и торопила утро, умоляя его быстрее наступить, чтобы подруга проснулась, и мы уехали отсюда. Поближе к Егору.

Неожиданно двери дома скрипнули, и наружу вышла Марго. Помятая со сна и злая как черт. Она на ходу застегивала куртку, надевала перчатки и шапку. Прикрепила к багажнику спортивную сумку, оседлала меня и с ревом стартанула прочь.

Я ощущала в ее душе омерзение, горечь и злость. И довольно сильную злость! Словно ее в помоях искупали. Или заставили съесть лягушку.

По возвращении домой я с нетерпением ждала встречи с Егором и Глебом. Но прошел один день, второй, а свидания не было. И Марго странно осунулась, ее душа металась и недоумевала. Со мной она не разговаривала. Лишь постоянно пыталась дозвониться до кого-то. Неделя прошла в бесплодном ожидании.

Как-то утром Марго вышла из лифта, вертя перед собой конверт. Она села на меня, и раскрыла чье-то письмо. Потом я услышала тихий плач, а сверху посыпался дождь из фотографий, где Марго спит в кровати на той самой даче, такая милая, беззащитная, свернувшись клубочком и положив ладошку под щеку. А позади нее лежит незнакомый парень и улыбается в камеру объектива. И мужская рука на талии девушки недвусмысленно дает понять, чем они занимались. Если бы я была ревнивым Глебом, не увидела бы подставу; не заметила бы, как сладко и глубоко спит Марго; и уж верно не после секса, потому что на ней футболка и коса заплетена на ночь, а ведь в повседневной жизни она любит распущенные волосы. На месте Глеба я бы решила, что ему изменили. Как же ужасно осознавать, что он не позвонит никогда. Гордый, ревнивый дурак!

В этот момент я сама внутри «кавасаки» завыла белугой. Марго, рыдая и скуля, сползла вниз, на бетонный пол и собирала эти фотки. Она с таким ожесточением их рвала, что, казалось, убивает в этот момент того, кто их сделал. По сути, разрушил ее жизнь, убил ее любовь, растоптал счастье.

Резкое движение – это Марго хотела выкинуть клочки, а потом сунула в валяющийся рядом конверт, который затем положила за пазуху. Я не знаю что она решила, но за подругу стало страшно. Ее душа заледенела и странно замерцала, трепыхаясь в груди девушки. Но анализировать все это я просто не могла, сама на грани потери рассудка.

Мы снова летели, только теперь я упивалась ледяным ветром в лицо, он вымораживает мысли и чувства. И боль приглушает. Знакомый пригород, а потом и серпантин. Когда мы прибыли на площадку, где проходил пикник, я испугалась. Ужаснулась внутренней решимости Марго на отчаянный шаг.

Она припарковала меня, глядя мертвым пустым взглядом на горизонт, погладила меня, словно прощаясь, а потом пошла к обрыву. А я ничего не могла сделать, чтобы остановить.

Марго встала на краю и стояла там долго, мне кажется, она заледенела там вся, но вряд ли чувствовала холод. Ветер трепал ее черные волосы, и выглядели они как траурный флаг по нашим несбывшимся мечтам. А потом она вытащила письмо из-за пазухи, кусочки фоток и резко швырнула их на потеху ветру.

Клочки затрепыхались, заволновались, словно извиняясь за причиненное зло, и

медленно полетели вниз.

Я услышала шум гравия под мощными колесами. Прямо рядом со мной остановился «бентли». Если бы могла, задохнулась от первозданного счастья. Егор! Мой любимый Егор! И полыхающее безумие в его душе. Накатило привычное ощущение слияния с его душой, но только в этот раз удушающее, подавляющее просто сумасшедшей любовью, недавней тоски и болью от столь долгой разлуки.

Мы-то с Егором стояли рядышком, упиваясь близостью друг друга, а вот Глеб подошел к столу и, облокотившись на него, сложил руки на груди в защитном жесте и мрачно произнес:

— Если бы знал, что ты здесь, не приехал бы!

Марго молчала, широко распахнутыми глазами она смотрела на Глеба, кажущегося равнодушным. Да только мы с Егором чувствовали, насколько тяжело ему дается это равнодушие. Он в бешенстве, злится, его злость и бесконтрольная ревность заглушают разум и ростки надежды на невиновность девушки.

Марго как-то рывками, словно боялась, что он сорвется и уйдет, подошла к нему и шепнула:

— Поверь мне, пожалуйста. Просто поверь!

— Я думал — ты особенная! Впервые в жизни влюбился, не думая ни о чем. Заболел тобой… и это очень больно. Поверь!

— Я верю, Глебушка! Меня терзает та же боль, но только я тебе верю, а ты, оказывается, — нет!

— Какая же ты сука, Марго! Чего тебе не хватало? Этот Эдик просто моральный урод. Как же ты смогла с ним…

— Замолчи, Глеб! Замолчи! Ты же знаешь, меня Машка пригласила на день рождения. Она же с твоим другом сейчас встречается… ну позвони ему. Спроси, как все было! Я просто спала в комнате, которую они мне выделили. Нам выделили. Твой друг пригласил твою бывшую… Крис. Это она с этим подонком пришла. А ночью я проснулась от вспышек, а эти… в моей комнате. Урод этот на моей кровати сидит, а Крис стоит рядом. Я испугалась, закричала от неожиданности, и Тимоха видел всю эту картину. Он вбежал сразу и все видел. Это твоя Крис специально подстроила, подставила меня, а ты… Как ты мог поверить им, а не мне?

Глеб смотрел не веря, мрачно, ехидно улыбаясь. Хоть и выходила эта улыбка слишком кривой.

— Твоя Машка заставит кого угодно подтвердить твое алиби, а Тимоха…

— Алиби? Мне нужно алиби? — истерично выкрикнула Марго.

Разговор ушел не в ту степь. Они ругались впервые в жизни, и к концу мы с Егором поняли, что это конец. У них любви до гроба не выйдет, первое же испытание провалили. На доверии прокололись.

Сейчас мужчина и женщина стояли словно чужие друг другу, с каждой секундой отдаляясь все больше. А у нас с Егором исчез последний шанс быть вместе, жить вместе. И я не знала, что должно произойти, чтобы эта пара снова соединилась.

Я судорожно решала, что делать, а вот от Егора пришла твердая решимость. Он уже решился на что-то.

Глеб и Марго пошли каждый к своему транспортному средству, она на полпути замерла и, оглянувшись, глухо спросила:

— Неужели это все? Неужели все между нами кончено? Что должно случиться, чтобы

ты поверил мне и дал нам обоим второй шанс?

Глеб тоже замер, подумал и глухо ответил:

— Ну, если Бог все же есть, он даст нам знак, что ты права во всем и нам нельзя расставаться. Иначе мы умрем друг без друга!

Стоило замолчать Глебу, как от Егора пришло смирение, согласие и решимость. А еще ощущение полета, невесомости и бескрайней любви — ЕГО КО МНЕ!

Бентли медленно, но неотвратимо покатился к обрыву, а до меня дошло, что это действительно конец. Им конец и нам тоже. Егор позвал меня за собой, скорее приказал, и я послушно покатилась за ним. И в жизни, и в смерти, и в горе, и в радости, всегда быть вместе! Жить дальше я не видела смысла и не хотела без Егора. «Бентли» все быстрее набирал ход, и я устремилась за ним, молчаливо взывая к нему, требуя подождать меня. Не обращая внимания на крики Марго и Глеба, мы катились к обрыву. Когда земля закончилась, и нас обоих приняли ветер и пустота, я испытала облегчение. Я рядом с Егором — это главное!

Любимый даже в последние секунды жизни оберегал меня, я почти лежала на его капоте и успела увидеть в последний миг, перед тем как меня поглотила темнота, наших бывших друзей и хозяев, стоящих на краю обрыва. Ветер трепал полы черного пальто Глеба и его золотистые волосы. Мужчина крепко прижимал к себе Маргошу, гладя ее распущенные черные волосы, и с нежностью и любовью целовал ее в макушку, успокаивая. Думаю, что он и сам пытался успокоиться. Невероятно, но выходит по его требованию Бог такой знак послал — скинул машины с обрыва. Пусть только попробует теперь не жениться на моей подружке! С того света вернусь и шею намылю!

Глава 7

— Бедняжки! Такие молодые и такая судьба…

— Да уж, даже врагу не пожелаешь! А ведь оба молодые, богатые…как же это…

— Богатство от смерти не спасает!

— Жозе сказал, что обвалом всех накрыло, выжили всего двое гостей да молодожены. Это правда, не знаешь?

— Сама знаешь, Жозе в полиции служит, зачем ему врать? И в газетах так написано. Это отец невесты настоял, чтобы венчание в часовне в горах провели. Там их родовое поместье, которое еще двести лет назад предки семьи да Силва построили. Раньше им и город наш принадлежал, а сейчас обеднели.

— Зато сеньор Луис вон какого видного жениха для сеньориты Габриэлы подыскал. Богатого, красивого, говорят, и умного. У семьи Маркуса Кошта несколько компаний, и живут они не в нашем захолустье, а в самом Рио. И фамилию эту знают все в Бразилии… Богатеи, и как в новостях сказали, мафиози…

— А где бы ни жили, и кем бы ни были — все одно дружно под обвал попали. Две семьи, толпа родственников… спаси и сохрани Святая Мария.

— Посмотри, какие они красивые оба… Маркус и Габриэла. Он — как демон, а она — как хрупкий ангел. Я слышала, что этому браку оба не рады были. Да только семье Кошта нужен был титул древнего рода да Силва, чтобы выйти на высший уровень, а аристократам да Силва срочно понадобились деньги Кошта. Вот и поженили этих голубков. Да видно высшие силы против такого союза восстали, раз обвал случился…

— Бедняжечки! Теперь сиротами остались и без защиты совсем.

— Анна-Мария, это ты о чем?

— А ты не знаешь еще? Вчера вечером к главрачу приезжал родственник дальний — троюродный кузен Кошты. И отказался платить за этих несчастных. После смерти молодоженов он автоматически становится и баронетом, и наследником миллионов семьи Кошта. Так что ему уж точно не с руки ждать, когда они выйдут из комы. Могут пройти годы, а управлять империей Кошта необходимо сейчас, иначе сожрут конкуренты. Так что завтра утром Габриэлу и Маркуса да Силва Кошта отключат от аппаратов.

— Ох, Святая Мария, да как же это? Две недели же только прошли, а вдруг бы отлежались и пришли бы в себя? Кома же такая непредсказуемая…

— Главврачу не только денег дали, но еще и пригрозили. Если не сделает, как велели, семья пострадает. Не зря в новостях про мафию говорили. Эти Кошта — мафиози и есть. Им уже и трахеостому убрали, видишь, масочная вентиляция… готовят к отключению. Вдруг сами дышать не смогут…

Голоса двух женщин доходили до меня словно сквозь вату. Мне уже самой жалко стало этих Маркуса и Габриэлу. За что им все это? Потерять всех родных, жениться без любви, а потом лежать в коме, не в силах защититься. И правда — бедняжечки. Глубоко вздохнув, сочувствуя незнакомцам, я открыла глаза.

Белый потолок, стены, тканевые занавески отгораживают вокруг меня небольшой прямоугольник. Писк приборов и слабость во всем теле. Глухая боль в ребрах, словно их сломали в нескольких местах, ноющая — в левой руке и абсолютное непонимание где я.

Вспомнила, как мы с Егором прыгнули в ущелье и темноту, последовавшую за ударом. Потом был яркий свет и ощущение тепла рядом — это Егор, а я ведомая следую за ним. Это воспоминание вызвало панику, и писк приборов участился, зашкаливая все разумные пределы.

— О, Мадонна, девочка пришла в себя, зови доктора Гарсиа.

Я ошалело крутила головой из стороны в стороны и глухо скулила. Неужели снова попаданка? А Егор? Где Егор? Паника нарастала лавиной.

Пол лица закрывала маска

Неожиданно возглас «Святая Мария!» раздался и за шторкой, затем последовал знакомый зашкаливающий писк приборов и мужской рев. Ткань отдернули, и я увидела незнакомого мужчину. Судя по фенотипу, испанец; выше среднего роста, сухощавый, но мускулистый; волосатая грудь, ноги и руки, не накрытые простыней; темные, почти черные, волосы; оливковая кожа; нос с горбинкой и очень выразительные темно-зеленые глаза. Красивый!

А вот когда мы столкнулись взглядами, в его глазах полыхало знакомое безумие, жесткость, доходящая до жестокости, властность и бескомпромиссность. Говорят, глаза отражение души? Это правда! Слезы потекли у меня по щекам от радости — мы спаслись. Мы все-таки вместе.

— Егор… — прохрипела я, вкладывая в одно слово всю свою душу.

— Лена… — сипло, натужно выдохнул мой любимый.

Господи, неужели это не сон? Мы живы? И вместе?

— Сеньора Кошта? Ооо, сеньор Кошта, я так счастлив, что вы очнулись…пришли в себя. Это чудо и…

Невысокого седого мужчину в белом халате мы не слушали. Не разрывая взглядов, сели с горем пополам. В зеленых глазах напротив безумие заволокло все остальные чувства. Егор смотрел на меня так жадно, с таким голодом и жаждой обладания… Он хотел меня целиком

и полностью. Всю, без остатка, навечно! Такой никогда не отпустит, не отдаст, убьет ради меня, если надо будет. Не сомневаясь, не раздумывая, не жалея. По моему телу невольно пробежала дрожь. А потом желание дотянуться, прикоснуться, приблизиться стало непереносимым, и мы буквально рванули друг к другу в объятья.

— Сеньор Маркус, у вас же нога… вам нельзя, — закричала одна из медсестер, та самая, что жалела нас все время в разговоре.

Мы встретились на середине пути, всего два шага, но сколько потребовалось сил. Мы сплелись руками, телами, душами. С огромным трудом стояли, покачиваясь, удерживая друг друга. Голова кружилась то ли от счастья, то ли от резкого выхода из комы. Ноги тряслись, болело все, но мне хотелось плакать не от боли, а от счастья.

Горло словно изнутри ободрали, но я прохрипела:

— Люблю тебя!

И Егор выдохнул единственное:

— Наконец-то моя!

— Сеньор?! Вам нужно лечь самому и позвольте уложить вашу жену. Вам нельзя пока вставать.

Егор с недоумением осмотрелся, нахмурился, а я тихо зашептала, рассказывая обо всем, что услышала. И свое предположение, что теперь мы сеньор и сеньора Кошта, которых хотят завтра убить по настоянию жадного до наследства родственичка.

Красивое лицо Егора-Маркуса исказила такая зловещая улыбка, что врач отшатнулся, а медсестры замерли статуями. Даже я внутренне дрогнула. Суть своего, надо полагать, законного мужа я уже успела узнать, причем так глубоко, как никогда бы не смогла, будучи человеком. И мне невольно стало жалко того неудачника-кузена, осмелившегося покуситься на нас из-за денег. Егор своего никогда не отдаст.

Егор-Маркус скривился, словно подбирая слова, и на испанском приказал медперсоналу:

— Кровати сдвинуть вместе! Быстро!

Ему повиновались не раздумывая. Мы буквально упали на общую кровать, задыхаясь от слабости и боли. А потом молча и внимательно выслушали доктора. Я лежала на груди у мужа, крепко обнимавшего меня, прижимая к себе, словно боялся потерять. Как жаль, что теперь я не могу «читать» его мысли и чувства.

Доктор Гарсия весьма осторожно выразил соболезнования по поводу гибели всех наших родственников, затем поздравил с тем, что мы очнулись, посоветовал смотреть в будущее, а не жить прошлым, и закончил тем, что, к его величайшему сожалению, Егор останется хромым на всю жизнь. Правую ногу собирали чуть ли не по частям. А у меня нет части легкого.

Наверное, он думал, что мы впадем в депрессию от новостей и диагнозов. Егор жестом отпустил потрясенного доктора и, немного передвинув меня, заставил лечь на бок и надел маску. Так легче дышалось.

Мы теперь часами лежали и любовались друг другом — касаясь и поедая глазами. Поврежденное горло пока не позволяло говорить, но нам этого и не нужно было. Нам было хорошо и без слов, просто находиться рядом — уже счастье. Рай на земле.

Выписали нас через месяц, раньше мне не позволил Егор из-за легкого. Пробелы в памяти списали на амнезию, и Егор с упорством и хваткой бультерьера занялся нашим «наследством».

Блуждающие души нашли свое новое пристанище!

Эпилог

— Смотри, она беременная! Маркус, я же говорила, что они помирятся! — выдохнула я восторженно, разглядывая зашедшую на летнюю веранду ресторана пару.

Маргоша шла под ручку с Глебом. Она вся светилась и поддерживала свой внушительный живот. Муж суетливо отодвинул стул, помог ей сесть, не удержавшись и мимолетно погладив выпирающее пузико. Мы узнали, что наши хозяева поженились через две недели после нашей «гибели». Меня просто распирало от счастья, что они стали самой неразлучной и любящей парой благодаря нам.

— Я вижу и рад за них! Теперь ты успокоилась? Твоя душа спокойна за подругу? — с нежностью, но с легкой насмешкой поинтересовался Егор- Маркус.

Я кивнула, вытирая невольную слезу. Господи, спасибо тебе, столько счастья мне досталось.

— Может и нам пришла пора своего малыша завести? — вкрадчиво предложил Маркус.

Я видела, как плещется безумие в любимых глазах: меня любят так, как невозможно любить нормальному человеку. Болеть мной, дышать мной. Безусловно, я люблю не меньше и знаю, что нашего ребенка Егор будет любить с не меньшей силой.

Бросив еще один взгляд на Маргошу, которая улыбалась светлой прекрасной улыбкой Глебу и что-то щебетала ему, пока он наглаживал ее руку, я спросила:

— А ты закончил принятие наследства? С этой стороны проблем не ожидается?

— Да! — И снова уже знакомая кривая мертвая улыбка, которая доводит до дрожи любого, кто имеет дело с новым Маркусом Кошта да Силва. — Нашу территорию и окружение я обезопасил.

Я улыбнулась, положила ладошку на смуглую руку мужа и с предвкушением его реакции произнесла:

— Значит, можем спокойно рожать! Примерно через шесть месяцев.

Обожаемые зеленые глаза полыхнули. Маркус-Егор не двинулся с места, даже не шелохнулся, но меня обдало настолько ощутимой волной безграничного счастья и нежности, что почудилось, будто мы снова в телах машин.

Любимый кивнул, наконец, и хрипло, выдавая накал собственных чувств, выдохнул:

— Я счастлив! Спасибо за это чудо! Любимая!

Мы еще посидели в ресторане, наблюдая за Марго и Глебом, потом, держась за руки, ушли. У нас вся жизнь впереди и скучно сидеть без дела.

Конец!

Больше книг на сайте - Knigolub.net